

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С93

Художественное оформление серии *П. Петрова*

С93 **Счастливый** случай: реальные истории из жизни современных писателей. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 448 с. – (Перемены к лучшему).

ISBN 978-5-699-87139-1

Серия «Перемены к лучшему» – это сборники жизнеутверждающих историй из жизни современных писателей.

В первой книге серии «Как я изменил свою жизнь к лучшему» собраны реальные истории преодоления трудностей твердостью воли, силой характера. Во втором сборнике любимые писатели – Виктория Токарева, Александр Снегирев, Владимир Вишневский, Ирина Муравьева, Татьяна Веденская, Сергей Литвинов и другие – повествуют о своей удаче, о счастливым случае, изменившем их жизнь.

Все авторы и создатели этой книги желают вам чудес и неожиданных подарков судьбы!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87139-1

© Саенко Т., 2016	© Макушинский А., 2016
© Вишневский В., 2016	© Матвеева А., 2016
© Мелихов А., 2016	© Калинина Н., 2016
© Иванов Д., 2016	© Евсеев Б., 2016
© Данелия Г., 2016	© Сотников В., 2016
© Нестерина Е., 2016	© Чиж А., 2016
© Снегирев А., 2016	© Вернер Е., 2016
© Крюкова Е., 2016	© Литвинов С., 2016
© Шапиро-Тулин Б., 2016	© Ройтбург Л., 2016
© Муравьева И., 2016	© Кузечкин А., 2016
© Буйда Ю., 2016	© Нова У., 2016
© Неволлина Е., 2016	© Староверов А., 2016
© Сенчин Р., 2016	© Щеглова И., 2016
© Бочков В., 2016	© Ромм А., 2016
© Лифшиц Г., 2016	© Оформление.
© Токарева В., 2016	ООО «Издательство «Э», 2016

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

писатель, сценарист

Татьяна повествует о необычном опыте переполненной событиями жизни, о странствиях юности, о любви к семье, которая, как она уверяет, в конечном счете ее спасла. Искренность, умение посмеяться над собой, оригинальный взгляд на самые простые вещи – вот что отличает ее книги. Татьяна уверена, что выход есть даже из безвыходных ситуаций, и она показывает его через увлекательные истории своих героев.

СИЯЮЩИЕ АМЕТИСТЫ

Многие считают, что характер формируется с детства, закаляется он в юности, ну а все оставшееся время характер только подвергается коррозии. Что ж, я могу отлично вспомнить тот момент, когда мой характер окончательно сформировался в том виде, благодаря которому меня многие теперь знают как женщину некрасовских достоинств. В смысле «коня и горящей избы». Это для меня — не проблема. А началось все тогда...

Вот я стою посреди узкой горной реки Варзуги, вода достает мне почти до груди, ноги соскальзывают — все речное дно усыпано неровными, скользкими камнями. Речка ледяная, и от этого пронизывающего холода мне даже больно дышать. Вокруг такой грохот, что мне плохо слышно моего боевого товарища, стоящего в той же реке, только с другой стороны байдарки. Моя спина зажата между огромным валуном и байдаркой. Течение только еще больше впечатывает в меня ее резиновый корпус. Я всем телом чувствую, как

гнутся под давлением воды стрингера. Не дай бог, скелет байдарки сломается. Оказаться в тайге без лодки — это ситуация, справляться с которой я даже не представляю как. Мало мне всего того, что уже случилось!

Во попала! Как это я так попала-то?

Да дура потому что!

Трудно поверить, но в юности я была девочкой решительный и своенравной и считала себя способной на любые подвиги.

Хорошо, согласна! Зная меня сегодня, в это очень даже легко поверить. Однако тогда, когда деревья были большими, и был июнь, и мне было всего шестнадцать лет, — я чувствовала у себя за спиной крылья, но еще ни разу по-настоящему не пробовала их в деле. Иными словами, считать-то себя супергероем я считала, но таковой и близко не являлась. Просто мечтательный подросток, замороженно наблюдающий за тем, как языки пламени поглощают сыроватые березовые ветки.

Так начинается эта история. Я сижу у костра, у подмосковного, еще раз отмечу, костра, а мой друг Женя Шлычков по кличке Шашлык рассказывает мне о некоем Стасе Всемогущем, двадцати одного года, то бишь ВЗРОСЛОМ, да еще и выпускнике геологоразливочного, ой, пардон, геологоразведывательного института.

— Он уже ходил с экспедицией, проходил практику. Он реально сделает это! Если хочешь, я могу поговорить с ним!

— Конечно, поговори, — легко соглашаюсь я, наслаждаясь теплым воздухом от костра.

— А ты правда поедешь, если я уговорю его? — недоверчиво переспрашивает он.

— А куда именно? — интересуюсь я, мало задумываясь о том, что все это — наш разговор, этот вечер,

два стакана глинтвейна — реально. Мне кажется, что я немножко во сне. Я слышу шорохи листвы и смех других ребят на нашей воскресной лесной встрече. Я счастлива.

— На Кольский полуостров.

— Полуостров? Это где? В Крыму? — других полуостровов я не знаю. Шашлык качает головой и улыбается. Он — студент того же института, у него на носу сессия, под носом — огромный прыщ, а еще я знаю, что нравлюсь ему. А он мне — не очень. Поэтому мы с ним — только друзья.

В следующие выходные я приглашена в гости к тому самому Всемогущему — он живет невыносимо далеко, в Беляево, но я еду, мне любопытно. Вообще, любопытство было своеобразным двигателем внутри меня, и он мог передвинуть меня как угодно далеко. Даже до самого сердца ее величества Тайги.

— Ты хоть понимаешь, Таня, что там будет сложно и трудно? — спрашивал он, а я думала только о том, что он очень симпатичный и действительно взрослый. Куда взрослее, чем все, кого я знала.

— Конечно. Я умею выдерживать трудности, — я отвечаю серьезно и киваю ему в такт. Я понятия не имею, о чем он говорит. И уж точно не разбираюсь в тонкостях туризма, но это не имеет никакого значения.

— Аметисты там есть, я знаю. У меня есть карты. Но они далеко. Полтора месяца добираться, а потом еще недели две на разработку. Найденное поделим поровну, — он говорил и говорил, и его лицо было серьезным и вызывающим уважение. — Ты готовить умеешь? Нам не нужно ничего особенного, самые простые блюда.

— Конечно! — заверила его я. И ведь нельзя сказать, что я совсем соврала. Ведь могла же я пожарить картошку! Правда, ни разу я не жарила ее на открытом огне, но какая, к черту, разница!

Конечно, я согласилась поехать. Куда там, я ужасно боялась, что Стас Всемогущий передумает, узнает о моем нежном возрасте — ведь на вид я была несколько старше, так бывает с девочками, в чьих глазах светится искра разума — и даст мне от ворот поворот. Но Стас был рад, что команда собирается в принципе. Он тоже еще ни разу не водил экспедиций в тайгу, и для него самого было предостаточно поводов поволноваться.

Однако история не о нем. А обо мне. О том, как закалялась моя сталь, если позволите.

И вот я стою на платформе Ленинградского вокзала, массивный зеленый рюкзак, одолженный мне Шашлыком, перевешивает и тянет меня назад, так что я всерьез опасаясь падения. Если я грохнусь — уже не встану.

За плечами у меня три недели сборов, бессчетное количество тихих ссор и открытых противостояний с моими родителями, в особенности с отцом. Только теперь, будучи уже взрослой женщиной, матерью троих детей, я понимаю, что ему пришлось пережить. А тогда... В один прекрасный день я пришла домой, прошла в кухню, налила себя чаю с лимоном и сахаром, забралась на стул с ногами и сказала отцу примерно следующее:

— Я с друзьями уезжаю в поход.

— В поход? С какими друзьями? Куда? — вопросы не праздные, потому что папа всегда знал, что от меня можно ожидать чего угодно. Но такого!

— С геологами, на Север.

Пауза тянулась довольно долго, папа буквально не мог найти слов. Не кричать же на девочку матом. А так хочется.

— Нет. Никуда ты не поедешь, — сказал он в конце концов.

— На Кольский полуостров! — возразила я. — И это — не Крым.

— С ума сошла! Я ни копейки не дам!

— И не надо, у меня есть деньги, — пожалала плечами я. Тут я должна сделать небольшое отступление. Деньги у меня действительно были. Дело в том, что мой папа, заботясь о моем светлом, а также безопасном будущем, многократно в сердцах восклицал, что, цитирую, «пока я живу в его доме на его деньги, я буду делать то, что он мне скажет». Будучи девочкой своенравной (как я уже упоминала), я восприняла его слова как призыв к действию. И нашла себе работу. Даже несколько. Я продавала цветочки, газеты в электричках, сигареты около выходов из метро. Шли девяностые, а у меня были каникулы, мотивация и возможности. Короче, я ему отвечаю:

— Не надо, у меня есть деньги. Вот только не знаю, какую именно купить тушенку.

— Я тебя в комнате запру! Я тебя свяжу! — кричал он, а я потихонечку проносила домой пачки с рисом и сахаром и спички.

Так же тихо и незаметно я купила билет на поезд до Кандалакши.

Только после этого, по сути, отец действительно понял, что я уезжаю. Тогда он аккуратненько поинтересовался маршрутом, еще немножко побегал по квартире, а именно по потолку, стенам и балконной двери — чудеса антигравитация. А затем он мне поездку как бы разрешил. Как если бы я у него спрашивала. Своевольная же, говорю!

В поезде было весело. Собрались все участники событий: Я, Шашлык, Стас Всемогущий, а также мальчик по имени Андрей, которого мы почему-то звали Лешим. Хотя прическа у него была короткой и поводов вроде бы не давала. Итого — четыре идиота на две байдарки. Плюс одна гитара, на которой я как раз умела играть.

Лесом-полем, полем-лесом, автобусом до какого-то горнодобывающего поселка, от него, провожаемые неодобрительными взглядами местных, — дальше на вахтовом автобусе. Местные жители турЫстов считают психами. Не без оснований. Особенно таких, как мы.

Раньше, чем я успела опомниться, я уже стояла на берегу большого-пребольшого озера. Если честно, я вообще не сказала бы, что это озеро. Для меня Ловозеро — именно так оно называлось — представляло собой самое натуральное море. Мы вытряхнули все наши многотонные пожитки из трясущейся на последнем издыхании вахтовки, в которой, кроме нас, собственно, никого и не было — дураков нету переть в такую даль, — и стали собирать байдарки.

Наверное, это был первый момент, когда я вдруг с ужасом осознала, что ничего не знаю о Стасе Всемогущем как о лидере группы. Все, что мне известно, это цвет его глаз и то, как между его бровей залегает морщинка, когда он говорит нам, что следует сделать и как поступить. Стас очень любил командовать. И совершенно не умел.

— Берись за левый конец! Да не этот! Другой левый! — кричал он, а потом выяснялось, что братья за концы вообще было рано.

— Стас, а разве этот стрингер не вперед идет?

— Нет, ты что, не видишь, тут маркировки не совпадают! — возмущался он.

— Ну и что? — пожимал плечами Шашлык, а я только металась между ними и пыталась внести хоть какую-то нотку позитива. И указать на пару погнутых стрингеров.

— Не мешай, Татьяна! — фыркал Стас, но потом стрингеры приходилось разъединять, выгибать, менять местами. После двух часов нелепых метаний по берегу мы окончательно поняли, что Стас не очень хорошо представляет, как собирать

байдарку. То есть представляет в целом, но никогда не делал этого сам и уж точно не руководил этим действием. Поэтому все два часа мы с Шашлыком и Лешим исполняли, причем неплохо, спектакль-постановку басни Крылова «Лебедь, Рак и Щука».

Могли бы и «Оскара» получить, увидь нас в тот момент кто-то из жюри.

В конечном итоге, общие сборы на берегу Ловозера заняли примерно шесть часов. В принципе, нужно было ставить палатки и ждать следующего утра, переносить отплытие в неизвестную бездну. Однако Стас решил, черт его знает почему, что мы успеем. Что мы переплывем на двух утлых суденышках девяностокิโลметровое озеро, больше похожее на море, раньше, чем солнце закатится за горизонт.

— В конце концов, — сказал он. — Это же Север, здесь сейчас полярный день!

И мы, все еще уважающие его как капитана нашей команды и как просто красивого парня (это обо мне), послушались его. Меня посадили к нему в байдарку, так как я была самым слабым звеном. Или, вернее, Стас считал меня слабым звеном по той простой причине, что я девчонка. В принципе, он был прав. Я к тому моменту еще не умела ни срубить небольшое дерево с одного удара топора, ни замотать узел на крепеже байдарки за пару секунд, ни разделить целого оленя одним кинжалом. Даже палатку в одиночку ставить не умела.

Так ведь и он не умел. Что поделаться с фактом, что он был еще слабее? Я-то потом научилась. До сих пор меня все боятся, когда я с топором в руках.

В общем, приняли мы решение. Первое неправильное решение в целой череде неправильных решений. Поплыли. Примерно километров через пять ветер усилился. Вечерело. Байдарку начало

бросать из стороны в сторону, и я вдруг очень так четко поняла, что могу окончить свои дни на дне этого милого озера. Еще через час штормило уже не по-детски.

Байдарка осела, она была вся в воде, и я никак не успевала отчерпывать, поскольку волнами в байдарку заливалось все больше и больше воды. Хвала небесам, что посреди этого озера имелась парочка маленьких островков. Совсем как в какой-то книжке, мы еле-еле, на последнем издыхании дотянули на уже тонущей байдарке до этого острова. Я материлась, а Стас молчал. Мальчишки, Шашлык и Леший, лежали плашмя на голых камнях и смотрели в темное грозное небо. Все мы были серьезно удивлены тому факту, что мы живы.

На этом чудесном острове, что называется, шесть на восемь мы провели весь следующий день. Помню, лил дождь — весь этот чертов день. Я думала, хуже уже быть не может. Ха! Как же можно так ошибаться! Прошло всего несколько дней, как мне удалось убедиться, что наше курортное пребывание на острове посреди Ловозера было только началом.

Следующий ценный кусок информации нам удалось узнать, только когда мы вошли в бурные воды реки Паны. Выяснилось, что наш рулевой никогда не ходил по настоящим горным рекам. Нет, он путешествовал с кем-то и где-то. Так и я тоже с папой по Клязьме ходила. Но по таким рекам, которые имеют категории сложности прохождения: вторая, третья, четвертая — все это термины, которыми пользуются люди, знающие толк в водном туризме, — никто из нас не ходил.

Обычно для длительных переходов по сложным горным рекам третьей и четвертой категории сложности байдарки проклеивают толстыми резиновыми лентами, сделанными из шинных камер. Это позволяет байдарке не рваться каждый раз, когда

она скользит днищем по острым камням на мелких участках реки.

Еще бы нам кто-то об этом сказал!

Опыт, как известно, сын ошибок трудных. Каждый раз, когда наша со Стасом байдарка садилась на легкую мель, она дралась по стрингерам. Когда тонкая резина байдарки, не защищенная камерой шины, придавленная изнутри стрингером, наезжает на камень, в этом месте и рвется. Потому что там тонко.

Физика.

Но мы оказались лириками, и поэтому были вынуждены клеиться. Вот тогда-то я и начала потихоньку осваивать искусство, или даже можно сказать «дао», спокойствия и непротивления бурному потоку жизни. Я заклеивала байдарку каждый день. Иногда два раза в день. Чаще не получалось, клей не успевал высыхать.

Конечно, в том, что ты два раза в день вытаскиваешь байдарку из воды, переворачиваешь, вытираешь, сушишь зажигалкой, обезжириваешь, мажешь клеем, а затем в течение тридцати минут руками придавливаешь заплатку, нет глобального риска для жизни. Но поверьте, людской характер в такие моменты тоже проверяется очень хорошо.

— Вашу мать! Вашу мать! Ты не могла вывернуть весло ровнее? Ты глухая?

Господи, как же мне хотелось его убить. Ребята держались тоже своеобразно. Стас сохранял лидирующие позиции, но каждая его команда, каждое его предложение подвергались тщательному критическому осмыслению.

Надеть куртки в обезьяне? Конечно, Стас! Конечно, не стоит, идиот. Лучше померзнуть в тельняшке,

чем потерять единственную сухую вещь, в которой можно спать.

Ведь обезьяна — это практически дождь вокруг вас. Это когда вы гуляете сквозь дождевое облако, потому что достаточно высоко ушли в гору.

Ты думаешь веревку можно бросить тут на камнях? Гхм, согласна, но лучше я намотаю ее на ногу и завяжу. Так я быстрее сниму ее, когда она мне понадобится. А веревки, ножи и топор в тайге — это все.

Ну что сказать про Сахалин? О том, что я согласилась поехать, я пожалела еще на том маленьком острове. Со второй недели пребывания в тайге я уже полноценно, со слезами на глазах, раскаивалась.

Тайга сама диктует, что тебе делать, а чего делать нельзя. В тайге я поразительно быстро одичала, ставила палатку за пять минут, без слов понимала пацанов, когда нужно было протащить палатку через непроходимый порог на реке, готовила еду на костре. Иногда, конечно, очень хотелось двинуть Стасу в челюсть. Но от присутствия Стаса была одна, даже две пользы, а конкретно — два ружья.

«Будем охотиться», — сказал он. А я тут же предположила, что и стрелять он тоже не умеет. И тут мы подходим к третьей части «мерлезонского балета» под названием «каждый настоящий мужчина должен уметь убивать». Даже я.

«Дайте я сам вам все тут покажу!» — кричал Стас, так как дико боялся давать ружья нам в руки. Однако, когда кончилась тушенка, мы стали более настойчивыми, так как нам не давали покоя мысли о том, что где-то тут, прямо в этих лесах, среди вот этих вот завалов и бурелома ходит, летает, крадет-ся, издает неприятные, пугающие звуки она — наша

потенциальная еда. Пару раз мы устраивали стрельбища. Банок, конечно, не было, но для тренировок мы использовали другие подручные средства — шишки, ветки, камни. И каждый раз Стас нервничал, пока ружья не запаковывались обратно в чехлы.

Ружья оказались папиными.

В тот день, когда все мы, включая меня, стали настоящими мужчинами, Стаса как раз с нами не оказалось. Так что технически он настоящим мужчиной не стал. Он ушел на своей протекающей, как решето, байдарке вперед, чтобы просмотреть русло. Раньше он так никогда не делал. Потому что, во-первых, он же Всемогущий и все знает заранее, а во-вторых — лень.

Однако после миллионного случая порыва байдарки Стас решил все-таки начать просматривать русло на особенно сложных участках.

— Танька, Леший, сюда! — зашипел Шашлык, вылезая из кустов прямо рядом с нашей палаткой. Пока Стас осматривал русло, Шашлык набрел на реальный, вполне осязаемый потенциальный шашлык. Олень стоял на другой стороне реки, опустив морду в воду.

— О господи! — я еле удержалась, чтобы не закричать. За три недели в тайге оленя я увидела впервые.

— Тише, ружья тащи, — коротко скомандовал Шашлык, и Леший пополз так тихо, как только мог. Вот тут нам пригодилось умение делать все быстро и бесшумно. Ну как бесшумно...

— Ты принес?

— Да, принес? — шептал Леший.

— А патроны?

— Черт, патроны! — И Леший полз назад.

— Давай патроны.

— На патроны. Давай второе тоже зарядим.

— У второго патроны другие.

— Я не поползу.

— Ш-ш-ш, братва! — это уже я вмешалась, так как наш обед наострил уши. Однако, какими бы шумными мы ни были, какими бы неуклюжими ни были наши действия, олень нас не увидел и не услышал. Может, дело в реке. Все-таки Пана — река бурная и шумит очень даже значительно. А может, олень глухой попался. С кулинарной точки зрения это значения не имело.

Мы суетились и шипели друг на друга, волновались, роняли патроны на землю, поднимали и запикивали их снова в ружья. Если бы Стас увидел, как мы сделали это, как его драгоценные ружья падали в грязь, он бы нас убил. Положил бы рядом с оленем.

Но, как известно, победителей не судят.

Непостижимым образом и только благодаря исключительно сильной мотивации, а конкретно — желанию жрать, мы все сделали и не спугнули оленя. В этом, наверное, проявляется истинная человеческая природа — в умении и готовности убивать. До того дня я никого никогда не убивала, да и после того дня тоже. Говоря буквально, я никого не убила и в тот день, ведь заряженное ружье было одно, а нас трое.

Олень пал от двух выстрелов Шашлыка. Ирония, не правда ли?

Однако я стояла рядом, я была готова в любой момент взять ружье из его рук и попробовать сама, я переплывала реку, чтобы нашего мертвого оленя, не дай бог, не унесло водой. Да простят меня все защитники животных на свете, это был самый вкусный олень в мире.

Большим кинжалом мы вместе вскрывали его и разделявали тушу, а затем сидели и думали, что же делать с более чем тремястами килограммами мяса четверем идиотам посреди тайги. Четвертый идиот как раз тоже подтянулся.